
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ — ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ТЕЗАУРУСНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РУССКОГО ПОЭТА-ЭМИГРАНТА 20—50-Х ГГ. XX В.

С.С. Микова

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10/2, Москва, Россия, 117198

Объектом исследования в настоящей статье являются имена собственные, которые рассматриваются как лингвокультуремы, в единстве их лингвистического и культурологического содержания. Охарактеризованы лингвокультурологические поля, образующие структуру базовых концептов «время» и «пространство» на тезаурусном уровне языковой личности русского поэта-эмигранта 20—50-х гг. XX века.

Ключевые слова: языковая личность, имя собственное, тезаурусный уровень, топоним, антропоним, ойконим, гидроним.

Языковая личность является актуальным направлением современных лингвистических исследований. Сам термин, как известно, впервые появляется в работе В.В. Виноградова «О художественной прозе». Детальное же описание структуры языковой личности как совокупности уровней дается Ю.Н. Карауловым. Выделяя в структуре языковой личности три уровня — вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный, — ученый отмечает, что вербально-семантический уровень выступает как нулевой, собственно языковая личность начинается с тезаурусного уровня. Единицами тезаурусного уровня выступают широкие понятия — концепты, образующие сложную иерархическую структуру, стереотипами являются генерализованные высказывания, дефиниции, крылатые выражения, пословицы, поговорки.

В данной статье предметом рассмотрения становятся имена собственные как элементы базовых концептов «время» и «пространство». Выбор данной группы лексических единиц в качестве предмета описания обусловлен тем, что имена собственные обладают культурно-исторической ценностью, особым семантическим богатством.

Имена собственные хранят информацию культурного характера, передавая от поколения к поколению нравственные установки и стереотипы. В связи со спецификой своего значения имя собственное зачастую выступает как лингвокультурема, т.е. комплексная межуровневая единица, которая представляет собой «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [2. С. 44—45]. Все это обуславливает значимую роль указанных единиц в структуре языковой личности.

В структуре языковой личности русского поэта-эмигранта имена собственные входят в состав базовых концептов — «время» и «пространство».

В структуре концепта «время» можно выделить лингвокультурологические поля «настоящее», «прошлое» и «будущее».

В состав лингвокультурологического поля «прошлое» входят топонимы, антропонимы и эпонимы. Так, символом монголо-татарского ига является имя монгольского хана *Батый* (Н. Алл «Что я могу еще сказать...»; М. Колосова «Бессмертник»). Героическое прошлое России, ее силу олицетворяет имя *Ермак*, победителя ханов (М. Колосова «Бессмертник»).

Распространенными в лингвокультурологическом поле «прошлое» являются топонимы — названия городов. Так, перечисление топонимов «Эх, *Москва*, *Новгород Великий* да *Суздаль*» (одноименное стихотворение Н. Алла) связано с указанием на крупные исторические центры земли русской.

Таким образом, имена собственные в структуре лингвокультурологического поля «прошлое» оформляют фрейм «героическое прошлое России».

Большинство лексем, входящих в лингвокультурологическое поле «настоящее», естественно, связаны с самым значимым историческим событием — революцией — и входят в лингвокультурологическое микрополе «революция». Характерно, что сама лексема «революция» нигде не употребляется, однако с ней связаны некоторые имена собственные, прежде всего *Петербург*, *Невский* (проспект), *Нева*, *Россия*: Россия настоящего охвачена революцией: «восставшая Россия» (М. Колосова «Это было в восставшей России»).

Данные лингвокультуремы находятся в синтагматических отношениях со словами, описывающими эмоции (страх), символы смерти, разрушения, а также реалиями, напрямую указывающие на участников революции: «По Невскому, по островам ползет *унылый страх* // И шелкают курки заржавленных *наганов*; ... Нева катит во мгле *чернеющие воды*» (Н. Алл «Петербург»); «Не сердце ли его таит // *Агоневою Русь?*» (А. Ачаир «Барабанная дробь»).

Антропонимы, входящие в состав лингвокультурологического поля «настоящее», связаны с революцией не только в России, но и во всем мире. Например, в стихотворении Г. Гранина «Дантон» появляются имена *Дантон*, *Робеспьер* и *революционный Париж*. В это же поле входит традиционный мифоним *Марс*: «Марсом озарен наш темный путь» (М. Колосова «Нечего терять»).

В микрополе «революция» входят имена представителей белого движения. Так, неоднократно встречается имя адмирала Колчака, часто заменяемого званием Адмирал, которое пишется с большой буквы: «На стене — портрет Адмирала // Из книги «Колчак, Сибирь» (Б. Волков «Пулеметчик Сибирского правительства»); «Но тень погибшего Корнилова // Нам стала ближе и родней»; «Веди нас, Божия рука, // Путем Кутепова, Корнилова и Адмирала Колчака» (М. Колосова «Путем героев»).

Таким образом, фрейм «герои революции» у поэтов-эмигрантов имеет иную структуру, нежели в произведениях социалистических поэтов.

События настоящего привели к тому, что Россия перестала быть Родиной для вынужденных эмигрантов. Это отражается в топонимах и их синтагматических отношениях: «Тянет красным, в Москву, и в победу, // И к *Кремлю*, что давно уж не наш» (Л. Ещин «Про Москву»).

Структуру концепта «пространство» образуют противопоставленные лингвокультурологические поля «Родина» и «эмиграция». В составе лингвокультурологического поля «Родина» выделяются микрополя «большая родина» и «малая родина».

Наиболее распространенными именами собственными в составе микрополя «большая родина» являются топонимы «Русь», «Россия». Отношение к России отражается в синтагматических отношениях данных единиц. Большая часть слов, непосредственно относящихся к лексеме «Русь», «Россия», связана с оформлением фреймов «Родина-мать»: «Эх, Россия-матушка» (Н. Алл «Эх, Москва, Новгород Великий да Суздаль»); «Душа покорно отразила // Родную Русь» (Ф. Камышнюк «Святая Русь»); «Напоминаю Русь родную» (М. Колосова «Письмо в Америку»); «святая Русь»: «Святая Русь» (название стихотворения Ф. Камышнюка); «...молюсь, замирая, тебе, // Пресвятой и пречистой иконе, // Лица Божьего граду — Москве» (Л. Ещин «Про Москву»); «о Русь, о Родина святая» (Л. Гроссе «Ты — юная, ты — стройная, как ель...») (в последнем стихотворении определение *святая* усиливается тем, что слова *Ты, Твоя, Твои*, обращенные к России, пишутся с большой буквы, как в религиозных текстах); «любимая Родина»: «О милой России» (А. Ачаир «Как и прежде»); «Опять на милой Родине сейчас» (Л. Ещин «В закатный час»); «загадочная Россия»: «Россия-сфинкс» (В. Логинов «Ученый»). Помимо топонимов, в данное лингвокультурологическое поле входят имена исторических личностей — антропонимы, — ставшие своеобразными символами России: «Это Лермонтов — в грудь и навывлет» (М. Волин «Россия»); «Там девчонка из медвежьего угла // Достоевскому копеечку дала» (М. Колосова «Медный грош»).

Значимым в лингвокультурологическом поле является топоним *Москва*. Синтагматические отношения, в которые вступает данное слово, показывает отношение к этому городу как к древнему, старинному — «легендарная Москва» (А. Ачаир «Эмигрантка»), родному — «Над родной Москвой пронестись» (Л. Ещин «В Сочельник»).

Фрейм «Россия великая» реализуется в топонимах *Сибирь, Байкал, Волга*. Их масштабы подчеркиваются в синтагматических отношениях данных лексических единиц: «Тайга, Сибирь, Байкал бездонный» (Г. Гранин «Россия»); «Та песня, что вольно взвивалась над Волгой» (Е. Недельская «Светлая нить»); «Я вспоминаю Волги ширь, простор» (Е. Недельская «Волга»).

Лингвокультурологическое поле «малая родина» представлено разнообразными топонимами, гидронимами, ойконимами: *Чолыман* (река в Сибири) (М. Колосова «На постоялом дворе»); *Петропавловск, Чита, Ангара, Тобол* (М. Колосова «Все о том же»); *Рязань* (И. Лесная «Далекий сон»); *Владивосток* (В. Март «На Амурском заливе»); *Жигулевские горы* (Е. Недельская «Волга»).

В лингвокультурологическое поле «эмиграция» входят прежде всего топонимы, указывающие не только на центры современной поэтам эмиграции (*Шанхай, Сан-Франциско, Харбин* (А. Ачаир «Эмигрантка»); *Франция, Чили, Китай* (М. Колосова «Рождество на чужбине»); *Сан-Франциско Канада* (М. Колосова «Письмо в Америку»)), но и места, куда традиционно ссылали политических пре-

ступников: *Кавказ, Сибирь* (А. Ачаир «По странам рассеяния»); *Березов* (А. Ачаир «Эмигрантка»). В это же поле входят антропонимы — имена исторических личностей — эмигрантов: *Менишиков, Волконская, Трубецкая* (А. Ачаир «Эмигрантка»).

В данном лингвокультурологическом поле представлены эпонимы, особенно *Улисс* (Одиссей), чье имя выступает как символ скитаний вдали от родины: «В парусах моих ветер Улисса, // «Одиссеи пленительный яд!» (М. Волин «Муза дальних странствий»).

Особое микрополе в лингвокультурологическом поле «эмиграция» образует топоним *Китай* и связанные с ним лингвокультуремы. С топонимом *Китай* в синтагматических отношениях находятся единицы, указывающие на неподвижность (сон, болото, трясина), неизменность, чуждость, скрытую силу: «Вот он, Китай, этот буйвол тяжелый, // В теплой трясине уснувший до срока» (М. Волин «Стихи о Китае»); «из чуждого Китая» (М. Колосова «Письмо в Америку»). Так же воспринимается и Восток, в состав которого входит концепт «Китай»: «...полудикий, сумрачный Восток» (В. Иевлева «Город Харбин»), и столица Китая Пекин: «Самый странный город в свете, // Город ярких крыш, // Над тобою цепь столетий // Пронеслась — ты спишь!» (М. Коростовец «Пекин»).

Важными для представителей дальневосточной эмиграции являются топонимы *Харбин* и *Шанхай*. *Харбин* сопровождается определениями «странный», «безличный», «чужой» (В. Иевлева «Город Харбин»), *Шанхай* определяется как безжалостный, жестокий: «Город жестокий...; безжалостный город-садист» (Н. Крук «Белые, чистые хлопья на этой панели...»).

Реже у поэтов встречается восприятие Китая как второй родины, с ним связываются образы тепла, уюта, чего-то родного, дорогого прошлого. В основном это характерно для представителей второй волны эмиграции: «Наш уютный маленький Харбин» (И. Лесная «Любовь-чародейка»); «В Шанхае Офицерское Собрание, // Былой России скромный уголок» (А. Паркау «Пятнадцать лет»). Если Россия — это мать, то Китай — мачеха, хотя и ласковая: «У мачехи ласковой — в желтой я вырос стране» (В. Перелешин «Ностальгия»).

Таким образом, имена собственные в структуре базовых концептов тезаурусного уровня языковой личности русского поэта-эмигранта позволяют представить отличия в восприятии событий современности эмигрантских поэтов и поэтов того же периода, поддерживавших социалистический строй. Прошлое России оценивается эмигрантами как героическое, а настоящее (революция) представляется гибельным, ознаменованным крахом традиционных ценностей. Неизменным остается отношение к России как к Родине, в образе которой немаловажным продолжает быть религиозный аспект. Пространство центров эмиграции воспринимается как чуждое и жестокое, и только в произведениях представителей второй волны эмиграции начинает складываться представление о Китае как о второй родине.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Виноградов В.В.* Избранные труды. Т. 5: О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. [*Vinogradov V.V.* Izbrannye trudy. T. 5. O yazyke xudozhestvennoj prozy. — М.: Nauka, 1980.]

- [2] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. — М.: РУДН, 2006. [*Vorobev V.V.* Lingvokulturologiya. — М.: RUDN, 2006.]
- [3] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М., 2007. [*Karaulov Yu.N.* Russkij yazyk i yazykovaya lichnost. — М., 2007.]
- [4] *Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич.* — М.: Время, 2001. [*Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya / Sost. V.P. Krejd, O.M. Bakich.* — М.: Vremya, 2001.]

**PROPER NAMES AS LINGUISTIC CULTUREMES
IN LINGUISTIC PERSONALITY OF RUSSIAN EMIGRANT POETS
(1920—1950S)**

S.S. Mikova

The Chair of the Russian Language and Methods of its Teaching
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10/2 Moscow, Russia, 117198

The article studies proper names as linguistic culturemes where both linguistic and cultural meanings are characterized. Linguistic and cultural fields forming basic concepts “Time” and “Place” in the thesaurus of Russian emigrant poets’ linguistic personality are described in the article.

Key words: proper name, linguistic personality, thesaurus, toponym, anthroponym, oikonym, hydronym.